

УДК 94(47)

ANTON VADIMOVICH SVESHNIKOV

*Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of World History,
Dostoevsky Omsk State University.
644077, Russian Federation, Omsk, pr. Mira, 55.
E-mail: antsvesh@gmail.com*

What is the «sociality» of social history of the University?

The article gives a detailed critical review of the monograph «The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society, and Power (second half of the XIX – early XX cnt.)» by E.A. Rostovtsev. The article emphasizes the main advantages of the monograph under review and offers polemical remarks. The article presents methodological innovations of the research as undisputed advantages of the monograph, in particular, the use of the term «professorial corporation» as a basic construct, allowing conceptually new way to consider the social processes taking place at the university, creating a database that includes information about all employees and students of the University for the period under study, and completeness and representativeness of the source base. However, the controversial point of Rostovtsev's monograph is that the author practically leaves the type of university social practices such as scientific research beyond consideration.

Keywords: *St. Petersburg University, social history, professorial corporation, university history, history of science.*

АНТОН ВАДИМОВИЧ СВЕШНИКОВ

*Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а.
Тел.: (3812) 22-98-00, e-mail: antsvesh@gmail.com*

Статья представляет собой подробный критический обзор монографии Е.А. Ростовцева «Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.)». В статье выделяются основные достоинства рецензируемой монографии и предлагаются полемические замечания по отношению к применяемому автором подходу. В качестве безусловных достоинств монографии в статье отмечаются методологические новации исследования, в частности использование в качестве базового конструкта понятия «профессорская корпорация», позволяющего принципиально по-новому рассмотреть социальные процессы, протекающие в университете, создание базы данных, включающей информацию обо всех сотрудниках и студентах университета изучаемого периода, а также полноту и репрезентативность источниковой базы. В то же время наиболее спорным моментом монографии Е.А. Ростовцева является то, что автор практически оставляет за пределами внимания такой вид университетских социальных практик, как научные исследования.

Ключевые слова: *Санкт-Петербургский университет, социальная история, профессорская корпорация, университетская история, история науки.*

В чем «социальность» социальной истории университета?

Значение университетов вообще и Санкт-Петербургского университета в частности для российской культуры трудно переоценить. И в силу этого обстоятельства ученые историки неоднократно обращались к изучению истории столичного университета Российской империи. Достаточно вспомнить имена В.В. Григорьева, Г.А. Тишкина, Ю.Д. Марголиса и многих других [1; 2; 3; 4]. Но логика развития исторической науки делает актуальной эту проблематику на каждом новом этапе развития, во-первых, в силу постоянного пополнения источниковой базы посредством введения в оборот

все новых и новых источников, а во-вторых, периодическое реформатирование проблемного поля, смена теоретических ориентиров, методологического инструментария и самого дискурса профессиональной историографии заставляет историков возвращаться к этой теме вновь и вновь. Лет десять назад профессор Геттингенского университета Труде Маурер призывала написать принципиально новую историю российских университетов с опорой на создание «коллективной биографии» профессорского корпуса [5]. Е.А. Ростовцев один из тех, кто, приняв этот вызов, попытался реконструировать историю

Санкт-Петербургского университета с учетом новых методологических ориентиров [6]. Монография Е.А. Ростовцева в какой-то степени подводит итог его многолетним исследованиям по истории Санкт-Петербургского университета [см., например: 7; 8; 9] и выполнена на основе докторской диссертации автора [10].

Принципиальная новизна исследования Е.А. Ростовцева заключается, на наш взгляд, в нескольких моментах. Во-первых, автор, создав базу данных, охватывающую практически всех профессоров Санкт-Петербургского университета, действительно, проводит просопографическое исследование, выявляя основные тенденции формирования и функционирования профессорского корпуса, что вряд ли было возможно без использования специальных компьютерных технологий, позволяющих выстроить сложную корреляцию различных количественных характеристик. Во-вторых, он рассматривает профессорский корпус именно как корпорацию со своей структурой, этикой и «хабитусом» (если вспомнить терминологию П. Бурдьё), солидаризируясь с таким направлением современных исторических исследований, как университетская история [см., например: 11; 12]. В-третьих, он пытается вписать историю университета в пространство города, демонстрируя их тесную связь и взаимозависимость. Это, действительно, социальная история университета. Все это кардинальным образом отличает монографию Е.А. Ростовцева от предшествующих работ, посвященных истории Санкт-Петербургского университета.

Монография Е.А. Ростовцева состоит из введения, девяти глав основной части, заключения, списка использованных источников и литературы, а также списка сокращений и именного указателя.

В добротном и обстоятельном вводном разделе Е.А. Ростовцев, определяя теоретические ориентиры своего исследования, использует понятие «модели университета» и обозначает четыре таких модели, последовательно сменявших друг друга, – классическая (в России, впрочем, не имевшая место), утилитарная, классическая, связанная с именем В. фон Гумбольдта, и массовая. Однако в современной университетской истории переход от утилитарной модели к классической связывается с «реформированными» немецкими университетами XVIII века, и «гумбольдтовский миф» подвергается основательной деконструкции [13]. Непосредственно к теме исследования Е.А. Ростовцева это имеет, казалось бы, косвенное отношение, но обратить на это внимание стоит.

В целом же идея автора о том, что «бурление» в Санкт-Петербургском университете связано не только с общей ситуацией в стране, но и с проявлением тенденции перехода от классического университета к массовому (с сохранением также влияющих на этот процесс рудиментов утилитарной модели), представляется достаточно оригинальной и убедительно доказанной в тексте работы.

Источниковую базу исследования составляют многочисленный корпус нормативных актов, дело-

производственные материалы, источники личного происхождения (дневники, переписка и т. д.), публицистика и то, что автор определяет как историографические источники. В ходе исследования автор предпринял анализ как опубликованных текстов, так и архивных материалов из фондов нескольких московских и петербургских архивов (Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного исторического архива города Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива города Санкт-Петербурга), часть которых впервые вводится в научный оборот. Данная источниковая база представляется вполне репрезентативной для решения поставленных задач.

Структура основной части работы представляется вполне логичной. Она фактически делится на две части. В первой из них (главы с первой по шестую) автор, говоря его словами, пытается дать «социальный портрет» корпорации столичного университета. Вторая (главы с седьмой по девятую) представляет собой очень насыщенный нарратив, подробно описывающий историю университета изучаемого периода. Выделенные части отличаются не только, так сказать, по модусу исследования (первая в основном рассматривает университет «в статике», а вторая – «в динамике»), но и по набору применяемых методик анализа. Математические методы явно преобладают в первой части, насыщенной графиками и таблицами, традиционные методы исторической реконструкции – во второй.

Первая глава монографии посвящена анализу внутренней структуры университетской корпорации Санкт-Петербургского университета и ее институциональному оформлению. Автор достаточно обстоятельно реконструирует формальную структуру университета, соотнося ее со статистикой, характеризующей «реальное» положение дел. Достаточно любопытной, хотя и не бесспорной, представляется проведенная автором реконструкция структуры материальных доходов преподавателей. вполне можно согласиться и с тезисом автора о том, что в определенной степени базовым моментом жизни преподавательской университетской корпорации было деление преподавателей на старших и младших. Правда, на наш взгляд, автор несколько переоценивает антагонизм между этими группами. Он, конечно, имел место, но при этом имели место и клиенто-патронажные отношения, являвшиеся важнейшим ресурсом для успешной академической карьеры представителей обеих лагерей. Об этом, кстати, в других главах своей книги (например, см. третью главу) фактически говорит и сам Е.А. Ростовцев. Профессора нуждались в учениках, а молодые ученые без покровительства не имели шансов рассчитывать на успешную карьеру в академическом мире. При этом в качестве патрона не всегда выступал официальный научный руководитель.

Вторая глава монографии, в которой, собственно, и реконструируется «коллективная биография университетской корпорации», является, на наш взгляд,

важнейшей частью исследования Е.А. Ростовцева. В ней на основании впечатляющей, созданной автором базы данных проводится обстоятельный анализ с точки зрения различных параметров как университетской корпорации в целом, так и научного сообщества каждого из факультетов по отдельности, убедительно демонстрируя его специфику. Среди параметров, определяемых автором, есть достаточно традиционные (остепененность, конфессиональный состав), но есть и достаточно неожиданные для материала (публикационная активность). В целом нельзя сказать, что все полученные выводы отличаются принципиальной новизной (например, преобладание среди преподавателей лиц православного вероисповедания очевидно и без всяких подсчетов, как и общее увеличение количества преподавателей), но они оказываются совершенно неопровержимо доказанными в строгом численном соотношении, т. е. мы точно видим, сколько процентов составляли православные, а сколько представители других конфессий и каких именно.

В третьей главе автор дает обстоятельный анализ различных качественных и количественных характеристик студенческого состава столичного университета, учебного процесса и механизма профессиональной и общественной социализации в рамках университета. Анализ конфессионального и социального состава студенчества позволяет автору очень убедительно обосновать вывод о постепенной демократизации жизни университета как общей тенденции. Вывод автора о том, что университетское образование в Российской империи являлось важнейшим фактором социальной мобильности, представляется вполне обоснованным. Забавным украшением этой главы является реконструкция, впрочем, не слишком оригинальная, повседневной жизни студенчества [14; 15]. Кроме того, достаточно концептуальным является и предпринятое автором рассмотрение вопроса об отношении преподавателей (в первую очередь профессоров) к студентам вообще и студенческим беспорядкам в частности.

Следующая четвертая глава рассматривает различные формы внутрикорпоративных процессов, к которым автор относит «традиции, солидарность и борьбу». Автор обстоятельно реконструирует процесс «профессиональной инициации» (оставления при кафедре для приготовления к профессорскому званию, магистерских экзаменов, диссертационного диспута), юбилеев, похорон и прочих ритуалов университетской корпорации. Нельзя сказать, что до Е.А. Ростовцева никто не изучал подобные практики формирования университетской идентичности, но ему удалось собрать и обобщить материал, касающийся различных факультетов и научных дисциплин с учетом отдельных «экстраординарных» казусов. Хотя понятно, что подобный генерализирующий подход, давая «среднюю температуру по больнице», несколько нивелирует специфику традиций отдельных дисциплин, которая, безусловно, имела место.

В пятой главе автор рассматривает различные формы общественной активности представителей

«ученого сословия» (публицистику, научные и популяризаторские общества, благотворительные организации). Пожалуй, следует признать, что в монографии впервые в историографии предпринята подробная реконструкция этой стороны жизни столичного университета.

В шестой главе университет рассматривается автором в контексте общественной и социокультурной жизни города (несколько иной пример применения подобного подхода см.: [16, с. 471–667]). Новаторство подобного подхода, стремящегося преодолеть «университетское», да и любое другое традиционное краеведение, приводит к тому, что автор, пытаясь переструктурировать проблемное поле, вводит понятие «городской ландшафт». Понятие это оказывается несколько метафоричным, расплывчатым. В силу этого к нему, например, относится и географическое местоположение университета с описанием принадлежащих университету в изучаемый период зданий, и характеристика взаимоотношений университета с городскими властями (градоначальником и Городской думой). Отсюда возникают определенные шероховатости, которые можно «списать» на новаторский характер работы.

Вторая, «динамическая», часть монографии (главы 7–9) является более традиционной по своим исследовательским установкам. Она представляет собой достаточно обстоятельное, структурированное по хронологическому принципу с элементами аналитики описание важнейших событий жизни университета с 1884 по 1917 гг. Соответственно, каждая глава посвящена отдельному, выделяемому автором периоду. Глава седьмая посвящена процессам, протекавшим в университете с 1884 по 1904 гг., восьмая реконструирует жизнь университета в годы революции 1905–1907 гг., а заключительная девятая рассматривает период с 1908 по 1917 гг. Сам принцип выделения этапов представляется вполне понятным и особых вопросов не вызывает. Иначе обстоит дело с набором «важнейших событий». К ним автор фактически относит политические взаимодействия университетской корпорации и государственной власти, рассматриваемые в исторической динамике. В центре внимания в работе оказывается рассмотрение того, как реагировала университетская корпорация на смену политической обстановки в стране и образовательной политики правительства в частности. Достаточно убедительно Е.А. Ростовцев в своей работе доказывает, что реагировала в целом негативно, образуя важный сегмент оппозиционного лагеря и даже различных протестных движений. Но при этом все остальные стороны жизни университета, кроме этой реакции, фактически остаются за пределами представленного в монографии рассмотрения. В результате получается, что полностью за пределами внимания автора остаются, например, научные исследования, проводимые различными представителями научной корпорации. А ведь с точки зрения «гумбольдтовской» модели университета, на основании которой строилась, по мнению автора (с которым вполне можно согласиться),

профессиональная идентичность университетского человека изучаемого периода, – это важнейшая задача деятельности университета. Строго говоря, эти научные исследования в монографии практически не упоминаются. При чтении второй части монографии у читателя возникает ощущение, что не только занятия, но и научных исследований в университете в изучаемый период практически не проводилось. Все сводится к различным формам «протестной активности». И тогда возникают вопросы: «А когда эти профессора успевали наукой заниматься и почему они считаются великими учеными, если в основном занимались политическими акциями?» или «А как же Петербургскому университету удалось воспитать столько признанных ученых, если ни исследования, ни занятия в университете толком не проводились?». Другими словами, отдельные страницы второй части работы вполне могли быть без каких-либо существенных изменений частью работы под названием «Революционная борьба Санкт-Петербургского университета против царизма».

Понятно, что сформулированный выше тезис ставит перед исследователем очень сложную (может быть, практически не решаемую) задачу. Для генерализирующего подхода, направленного на реконструкцию общей истории научных исследований, проводимых представителями университетской корпорации в рамках различных научных дисциплин и специализаций, требуется не только существенное расширение источниковой базы, но и несколько иные исследовательские навыки. Однако представляется, что история «ученого сословия» без учета научных исследований приводит к формированию явно искаженной «картины». В конце концов, научные исследования – это тоже вариативная и динамичная социальная практика, конструируемая университетской корпорацией. Более того, для многих представителей этой корпорации именно научные исследования определялись как «смысл жизни», выполняя тем самым экзистенциальные функции.

Из целостной концепции диссертации этот момент явно выпадает. В этом «инкубаторе революции», образ которого конструирует автор, нет места научным исследованиям, да и учебному процессу.

Причем речь не идет о том, что автор случайно «выпустил» науку или учебу из поля зрения. Нет. Во введении, обозначая «исследовательскую перспективу», автор определяет цели своей работы следующим образом: «...восстановить структуру и состав университетской корпорации, дать очерк быта и образа жизни ее членов, показать участие и роль деятелей университета в различных сферах жизни городского сообщества <...>, попытаться представить коллективный портрет корпорации в интерьере эпохи поздней империи и, наконец, показать место университета в социально-экономическом пространстве России второй половины XIX – начала XX в.» [6, с. 104]. Автор, как мы видим, достаточно последователен: научные исследования как социальные практики при изучении университета, опирающегося на «гумбольдтовскую модель», его не интересуют.

Тем не менее нельзя не признать, что в рамках выбранного подхода Е.А. Ростовцев достаточно убедительно и обстоятельно реконструирует историю жизни университета в этот непростой период российской истории. Вполне уместно представляется и своеобразный эпилог, посвященный процессам, протекавшим в Петроградском университете в первые годы советской власти, и послереволюционной судьбе профессорского корпуса.

Таким образом, монография Е.А. Ростовцева, действительно, с одной стороны, является (как по методике, так и по содержанию) фундаментальным и новаторским исследованием, вносящим существенный вклад в изучение истории Санкт-Петербургского университета, а с другой стороны, оно, как всякое новаторское исследование, вызывает вопросы и стимулирует новые поиски. Так и должно быть. История университета продолжается, как продолжается и ее изучение.

Литература и источники

1. Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Ист. записка, сост. по поручению Совета университета. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1870. 679 с.
2. История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / отв. ред. В.В. Мавродин. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1969. 663 с.
3. Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Единым вдохновением: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 227 с.
4. Очерки по истории Ленинградского [Санкт-Петербургского] университета. Л. [СПб.]: Изд-во ЛГУ [СПбГУ], 1962–2000. Т. 1–8.
5. Маурер Т. «Барометры» или «маяки общества»? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М.: РОССПЭН, 2015. 527 с.
6. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.
7. Ростовцев Е.А. Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX века: Отношение к власти и обществу // «Будь русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. / отв. сост. А.Ю. Андреев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 139–156.
8. Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 29. С. 308–324.
9. Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905–1911) // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 205–370.
10. Ростовцев А.Е. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884–1917): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2017. 38 с.

11. Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильмина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 656 с.
12. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 386 с.
13. Морозов О.В. Вильгельм фон Гумбольдт и Берлинский университет: новый взгляд на происхождение «гумбольдтовского мифа» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2017. Вып. 60. С. 128–142.
14. Иванов А.Е. Студенческие корпорации конца XIX – начала XX в. Опыт культурной и идеологической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 408 с.
15. Баринов Д.А. Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета (1884–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 23 с.
16. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012. 671 с.

References

1. Grigoryev V.V. *Imperatorsky Sankt-Peterburgskii Universitet v techenii pervuch piatidesiati let ego suschestvovaniya: Ist. zapiska, sost. po porucheniiy sovetu universiteta* [The Imperial St. Petersburg University during the first fifty years of its existence: Historical note, compiled on behalf of the Council of the University]. St. Petersburg, Printing house by V. Bezobrazov and K., 1870, 679 p.
2. *Istoria Leningradskogo universiteta. Ocherki. 1819–1969* [History of Leningrad University. Essays. 1819–1969]. V.V. Mavrodin (ed.). Leningrad, Leningrad University Publ., 1969, 663 p.
3. Margolis Yu.D., Tiskin G.A. *Edinum vdohnoveniem: ocherki istorii universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* [A single inspiration: essays on the history of university education in St. Petersburg at the end of the 18th – first half of the 19th century]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2000, 227 p.
4. *Ocherki istorii Leningradskogo (Sankt-Peterburgskogo) universiteta* [Essays on the history of the Leningrad (St. Petersburg) University]. Leningrad, [St. Petersburg], Leningrad State University Publ., [St. Petersburg State University Publ.], 1962–2000, vol. 1–8.
5. Maurer T. «Barometry» ili «maiaki obschestva»? *Izbrannye statii po socialnoi istorii russkikh i nemeckikh universitetov* [«Barometers» or «society beacons»? Selected articles on the social history of Russian and German universities]. Moscow, ROSSPEN, 2015, 527 p.
6. Rostovtsev E.A. *Stolichnoi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obschestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society, and Power (second half of the XIX – early XX cnt.)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 903 p.
7. Rostovtsev E.A. *Akademicheskaya korporatsia Sankt-Peterburgskogo iniversiteta v nachale XX veka: otnoshenie k vlasti i obschestvu* [Academic Corporation of the St. Petersburg University in the early twentieth century: Attitude to power and society]. «Biyt' russkim po duchu I evropeizem po obrazovaniu». *Universitetu Rossiiskoi imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noi i Vostochnoi Evropu XVIII – nachala XX v.* [«Be Russian in spirit and European in education». Universities of the Russian Empire in the educational space of Central and Eastern Europe of the 18th and early 20th centuries]. A.Yu. Andreev (comp.). Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, pp. 139–156.
8. Rostovtsev E.A. *Ispytanie patriotizmom. Professorskaya kollegia Petrogradskogo universiteta v godu pervoi Mirovoi voiny* [Test patriotism. Professor's College of the Petrograd University during the First World War]. *Dialog so vremenem. Al'manach intellektual'noi istorii* [Dialogue with time: Almanac of intellectual history], 2009, issue 29, pp. 308–324.
9. Rostovtsev E.A. *Universitet stolichnogo goroda (1905–1911)* [University of the capital city (1905–1911)]. *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)* [University and city in Russia (early 20th century)]. T. Maurer and A. Dmitriev (eds.). Moscow, Novee literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 205–370.
10. Rostovtsev A.E. *Sankt-Peterburgskii Universitet v kontexte socialno-politicheskoi istorii Rossii (1884–1917): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [St. Petersburg University in the context of the socio-political history of Russia (1884–1917). Author's abstract of Dr. hist. sci. diss.]. St. Petersburg, 2017, 38 p.
11. Vishlenkova E.A., Galiullina R.Kh., Ilmna K.A. *Russkie professora: universitetskaya korporativnost' ili professional'naia solidar-nost'* [Russian professors: university corporateism or professional solidarity]. Moscow, Novee literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 656 p.
12. *Soslovie russkikh professorov: sozdateli statusov i smyslov* [Estate of Russian professors. Creators of statuses and meanings]. E.A. Vishlenkova and I.M. Savelieva (eds.). Moscow, Higher School of Economics Publ., 2013, 386 p.
13. Morozov O.V. *Wilgeim fon Gumboldt i Berlinsky universitet: novui vzglyad na prois Khozhdenie «gumboldtovskogo mifa»* [Wilhelm von Humboldt and the University of Berlin: a new look at the origin of the «Humboldt myth»]. *Dialog so vremenem: al'manach intellektual'noi istorii* [Dialogue with time: almanac of intellectual history], 2017, issue 60, pp. 128–142.
14. Ivanov A.E. *Studencheskie korporatsii kontsa XIX – nachala XX v. Opyt kul'turnoi i ideologicheskoi samoorganizatsii* [Student corporations of the late nineteenth – early twentieth centuries. Experience of cultural and ideological self-organization]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2004, 408 p.
15. Barinov D.A. *Etnokonfessional'nye i regional'nye organizatsii studenchestva Sankt-Peterburgskogo universiteta: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Ethno-confessional and regional student organizations of the St. Petersburg University (1884–1917). Author's abstract of Ph.D. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2015, 23 p.
16. *Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [University in the Russian Empire of the 18th – first half of the 19th century]. A.Yu. Andreev, S.I. Posokhov (eds.). Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, 671 p.